

Утверждаю

Проректор по научной деятельности

ФГАОУ ВПО «Казанский

(Приволжский) федеральный университет

д. г-м. н. профессор

Д.К. Нургалиев

2015 г.

О Т З Ы В

ведущей организации ФГАОУ ВПО

«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

на диссертацию Чисталева Марка Сергеевича

«Восприятие Египта и египетской культуры в римском обществе

(середина I в. до н.э. – начало III в. н.э.)», представленную на соискание

учёной степени кандидата исторических наук

по специальности 07.00.03 – всеобщая история (Древний мир)

Центральная тема данного диссертационного сочинения – образ «другого». Проблема «я» и «другой», «свой» и «чужой» – одна из ключевых в философии, социологии, психологии, истории, культурологии. Возможность понять «другого», «чужого», «иного», возможность диалога между «своими» и «чужими» – сегодня одна из важнейших проблем в истории культуры.

Между тем, обстоятельное исследование восприятия Египта и египетской культуры в Риме приобретает особое значение именно в связи с применением современных теоретических подходов. Работа М.С. Чисталева представляет собой пример не классического подхода к античному материалу. Автор рассматривает хорошо известные источники, такие как сочинения римских историков, римскую поэзию, римские монеты и др., но ставит перед собой достаточно современные вопросы, поднятые такой дисциплиной как имагология. В историографии не существует комплексного труда по исследованию образов и стереотипов восприятия Египта в римской культуре, что, безусловно, определяет научную новизну диссертации М.С. Чисталева

Диссертационная работа М.С. Чисталева состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, а также приложений. К несомненным плюсам работы стоит отнести качественно выполненное Введение. Здесь автором были корректно сформулированы объект и предмет исследования, поставлены соответствующие исследовательские задачи. Кроме того, поскольку цель исследования не является классически позитивистской, во Введении дана обстоятельная теоретико-методологическая основа исследования. Отметим также широкий круг иностранной историографии, с которой работает автор диссертации.

Все главы диссертации написаны качественно в соответствии с заявленными задачами. В первой главе диссертации исследуется широкий круг вопросов египетской истории и культуры в освещении римских авторов периода поздней республики и империи. При этом вызывают интерес попытки автора диссертации связать римские представления о Египте с текущей политикой в отношении Египта, что особенно прослеживается в разделе об отражении пропаганды Октавиана Августа в римской поэзии. Достаточно значимым для исследования темы представляется стремление диссертанта выявить сходство и различие между греческим и римским восприятием Египта, чему во многом способствует сравнение сведений как собственно римских авторов, писавших на латинском языке (Цицерон, Сенека, Плиний Старший, Ювенал и др.), так и грекоязычных, которые следовали эллинской культурной традиции (Диодор Сицилийский, Страбон, Плутарх). Интересным выглядит и отмеченная автором диссертации практика заимствования римскими авторами «исторических сюжетов» и «исторических персоналий» у своих древнегреческих предшественников, что наиболее наглядно прослеживается при обращении к «деяниям» фараона Сесостриса (с. 92–94). В этой связи не вызывает особого возражения и итоговое заключение автора диссертации о том, что если греко-римская историческая литература, за некоторым исключением, способствовала формированию позитивного образа Египта, то римские поэты и прозаики часто использовали многочисленные топосы, принижавшие египетскую культуру (с. 101). Возможно такой подход, как признает

сам автор диссертации (с. 77), был вызван тем, что римские авторы (в отличие от греческих!!!) практически не посещали Египет, а их осведомленность о стране и ее культуре основывалась на слухах и домыслах, что делало эти знания чрезвычайно ограниченными и поверхностными.

Вообще, следует отметить, что первая глава диссертации М.С. Чисталева является по сути ключевой для понимания особенностей подхода к восприятию Египта и египтян в римском обществе, хотя и не все положения автора выглядят довольно взвешенными и бесспорными. Так, например, на с. 85 автор заявляет как установленный факт, что кровосмесительные браки не были распространенным явлением в Древнем Египте: «Во времена фараонов браки между братом и сестрой изредка имели место внутри царской семьи по династическим соображениям. Для лиц нецарского происхождения браки между родным братом и сестрой засвидетельствованы только с греко-римского периода». При этом делается ссылка на статью Х. Белла, которая была опубликована в 1949 г. Однако, безусловно, есть более новые исследования по этой теме, в которых вопрос о кровосмесительных браках в Египте решается не столь однозначно. Например, диссертанту следовало бы обратиться к монографии П.Дж. Франдсена, «Кровосмесительный и близкородственный брак в Египте и Персии» 2009 г. [Frandsen P.J. Incestuous and Closekin Marriage in Ancient Egypt and Persia: An Examination of the Evidence. – Copenhagen, 2009. – 224 p.); существуют и другие исследования по данной теме. Спорным также выглядит заявление М.С. Чисталева о том, что «Клеопатра олицетворяла собой Египет и, разумеется, все негативные посылы в ее адрес сказывались и на отношении к Египту в целом» (с. 56). На наш взгляд, все же и до времени царствования Клеопатры и даже после ее правления, римское отношение к Египту в целом определялось некоторым набором стереотипов, которые отношение к самой Клеопатре едва ли могло существенно изменить. Последнее обстоятельство неявно признает и сам автор, на с. 63 полагая, что «в тексте Вергилия отражена также и неприязнь римлян к божествам, в иконографии которых присутствуют изображения животных, например, к шакалоголовому богу Анубису», так что, «возможно, именно эта неприязнь и бы-

ла одной из причин, по которой в римском обществе задолго до противостояния Октавиана и Марка Антония сформировалась устойчивая оппозиция к египетским зооморфным культам». Собственно говоря, уже в следующей, второй главе М.С. Чисталев, на примере политики римских властей по отношению к древнеегипетским культам, также отрицает ее связь с римским восприятием Клеопатры: «многочисленные попытки сената пресечь распространение культа Исиды в Риме в этот период не имеют отношения к представлению Клеопатры как богини Исиды, а также не являются ответом на честолюбивые устремления царицы Египта. Можно предположить, что более вероятным объяснением действий сената было особое положение Египта в римской политике этого периода» (с. 109). Здесь, во второй главе диссертации обстоятельно рассматривается политика римских властей в отношении египетских культов, причем, в данном случае особенно импонирует намерение автора диссертации представить эту политику в более широком историческом контексте отношения римлян к восточным культам и религиозным практикам.

Во второй главе хорошо показана эволюция римской политики к культам Востока в период перехода от республики к империи (с.103–107), не вызывает возражений и сделанный диссертантом вывод об отсутствии в действиях римских властей этого периода ярко выраженной антипатии именно к египетским культам в Риме, основанной на неприятии религиозной концепции, чуждой римским традициям. По замечанию М.С. Чисталева, начиная с I в. до н.э. римляне сталкивались с необходимостью интеграции иноземных религиозных культов в свою религиозную систему, поскольку это было неизбежным следствием становления Римской республики как мировой державы (с. 111). Однако, несмотря на отсутствие официального признания египетских культов со стороны римских властей (как это было, например, в эпоху республики с культом Кибелы), по мнению диссертанта, можно говорить об их процветании в Риме и о расширении их влияния на горожан (с. 113). В данной главе диссертации интересными представляются сравнения, принятые автором, официальной римской политики в отношении египетской религии и отношения к ней римской интеллектуальной элиты в лице полити-

ков, ораторов, писателей и поэтов. Правда, в последнем случае происходит значительное дублирование материала во втором параграфе второй главы с содержащимся в третьем параграфе первой главы, хотя и понятно, чем это было вызвано – попыткой автора выделить восприятие египетской религии из общего восприятия образа Египта, но материал показал, что сделать это оказалось довольно трудно. Римские интеллектуалы, с одной стороны, рассматривали египетскую религию как удивительный феномен, отличающийся исключительно древними священными традициями, а с другой стороны, были потрясены отношением египтян к животным, нелепостью их суеверий.

Третья глава также интересна по-своему. Если в первой и второй главе М.С. Чисталев обращается к восприятию Египта греко-римской интеллектуальной элитой и римскими официальными властными структурами, то в третьей главе в центре внимания – массовые представления о египетской культуре, получаемые в результате обращения к анализу многочисленных граффити, оставленных античными путешественниками на колоссах Мемнона, в храме Сети I в Абидосе, в гробницах Долины Царей, в Заупокойном храме царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри, на о-ве Филэ и на юге в Абу-Симбеле и других местах. Работа, как с текстом данных надписей, так и с античными сообщениями о них, с одной стороны, прекрасно дополняет общую картину, представленную в диссертации, а с другой, также во многом способствует рассмотрению представлений о Египте в римскую эпоху с иной перспективы. Выводы, сделанные автором диссертации в этой связи, также заслуживают пристального внимания. По мнению М.С. Чисталева, расположение надписей указывает на то, что греческие путешественники посещали значительно большее количество достопримечательностей Египта, нежели римские. Римляне более тяготели к хорошо известным египетским памятникам, таким как Великие пирамиды Гизы или колоссы Мемнона, в то время как греки посещали и храмовые комплексы, малоизвестные за пределами Египта. Кроме того, большинство греческих надписей носят либо религиозный характер (указывают на паломнические цели путешествия), либо оставлены солдатами и чиновниками. Римские граффити вне зависимости от того, написаны они на

латинском или на греческом языке, напротив, являются преимущественно светскими по содержанию и оставлены в основном путешественниками. И, наконец, и на греков, и на римлян египетские храмы и монументы производили одинаково сильное впечатление, часто вызывавшее «бурю» эмоций, которая и заставляла их оставлять граффити на египетских памятниках (с. 170–171).

И, наконец, в последней, четвертой главе диссертации, в качестве источника по римскому восприятию Египта, активно привлекается изобразительный материал. М.С. Чисталев рассматривает использование египетских сюжетов, мотивов и символики за пределами самого Египта. Автор диссертации обращается к интерпретации предметов, привезенных из Египта, иногда являющихся подлинными историческими артефактами, созданными в Древнем Египте, а также созданным за пределами Египта и претендующим на то, чтобы отражать египетскую суть (с. 182). В этой связи заслуживает внимания подразделение артефактов на «египетские» и «египтизированные»: «Очевидно, что термин «египетский» в нашем контексте подразумевает созданный руками человека предмет, происходящий из Египта. Логичным на первый взгляд выглядит и утверждение, что под «египтизированным» предметом подразумевается артефакт, сделанный в египетском стиле, по египетскому образцу, но за пределами Египта... мы будем использовать термин «египтизированный» в более широком смысле – как ассоциирующийся с Египтом: стилистически, тематически или иным способом» (с. 182–183). Обстоятельное рассмотрение различных контекстов присутствия *Aegyptiaca Romana* представляет собой довольно значимый вклад в раскрытие цели диссертационного исследования. Наконец, диссертант обращается на римском материале к феномену египтомании и стремится объяснить ее причины.

В Заключении представлены основные выводы работы, которые выглядят вполне логичными и вытекающими из текста исследования. Эти выводы в целом не вызывают особых возражений. По мнению М.С. Чисталева, римлянам удалось создать свой неповторимый образ Египта, даже несмотря на то, что культурные ценности и ценностные ориентации, свойственные

египетской культуре, не были осмыслены римлянами в полном объеме, а из всего многообразия культурных топосов они перенимали лишь те, что были известны еще грекам и лежали на поверхности (с. 222). Среди наиболее интересных выводов является то, что римское восприятие Египта, в том числе распространение *Aegyptiaca* в Риме и Италии, «может быть определено как культурный феномен, в котором религиозный аспект является значимой составляющей, но не определяет всех разнообразных контекстов» (с. 214).

В качестве замечания, которое, однако, может быть, как минусом, так и плюсом работы, укажем на такой методологический прием автора как использование современных конструктов для объяснения прошлого. Например, М.С. Чисталев пишет: «Однако в пропаганде Октавиана мы можем констатировать желание очернить не столько сам Египет как таковой, сколько Египет как государство, подвластное царице Клеопатре...» (с. 69). Этот вывод вызывает некоторые сомнения, существовало ли тогда разделение между страной и государством? Ведь определение что такое государство (*lo stato*), было дано на тысячу лет позже Н. Макиавелли. Также употребление таких слов как *национальный* (с.56) без кавычек, что, наверное, явилось переводом английского *national*, в русском языке имеют строгую историческую коннотацию, плохо согласующуюся с античной культурой. С другой стороны, употребление таких современных конструктов («экзотика», «туризм» и др.) при корректном использовании автором, обогащает диссертационное сочинение.

Не очень удачным в рамках всей работы, представляется четвертый параграф первой главы (несмотря на богатый источниковый материал(!)). Во-первых, непонятно, почему так однозначно автором была исключена из рассмотрения история эллинистического Египта (она не влияла на формирование образа Египта у римлян?). Во-вторых, автор часто обращается только к такой технической задаче, как сравнение того, что знали древние историки о Египте и что фактически было на самом деле (т.е. что мы знаем об этой истории сейчас). Кроме того, создается впечатление, что весь этот параграф был когда-то статьей, которая в мало измененном виде была втиснута в диссерта-

цию, а потому слегка выбивается из общей цели. О чем свидетельствуют и, в целом нехарактерные для работы, редакторские погрешности (с. 80, 100).

В качестве вопроса к диссертанту, хотелось бы вернуться к одному из его интересных замечаний (на наш взгляд, недостаточно осмысленных в свете основной цели исследования) о том, что римляне «не видели различий между коренными египтянами, александрийцами и другими греками, проживавшими в стране» (с. 77). В этой связи следовало бы дифференцировать роль различных этносов, связанных для римлян с Египтом, в формировании образа египетской культуры в Риме.

Другой вопрос относится к принципиальному выводу автора, что восприятие образа Египта в римском обществе «можно охарактеризовать как культурный феномен, не имеющий аналогов в истории античности» (с. 222). Как можно делать такой категорический вывод в работе, где в качестве задачи не ставится, а значит и в тексте не проводится, сравнение с восприятием образа других народов востока (например, греками – персов, или теми же римлянами – иудеев)?

Но все вышеназванные замечания не меняют в целом очень положительного впечатления от диссертационной работы. Ее автор, М.С. Чисталев, предпринял серьезное, высоко квалифицированное научное исследование того, что римляне знали о египтянах и как они воспринимали Египет и египетскую культуру. Диссертация основывается на богатой и разносторонней источниковой базе, привлекается многочисленная научная литература, что делает исследование диссертанта вполне фундированным. Выводы, к которым приходит автор диссертации, носят обоснованный и самостоятельный характер. Положения, выносимые на защиту, вполне репрезентативны и изложены предельно четко. Диссертация имеет в качестве приложения иллюстративный материал, который также отражает основное содержание работы.

Оформление диссертации соответствует требованиям, установленным ВАК Министерства образования и науки РФ. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации и позволяет читателю составить довольно исчерпывающее представление об исследовании и вкладе автора.

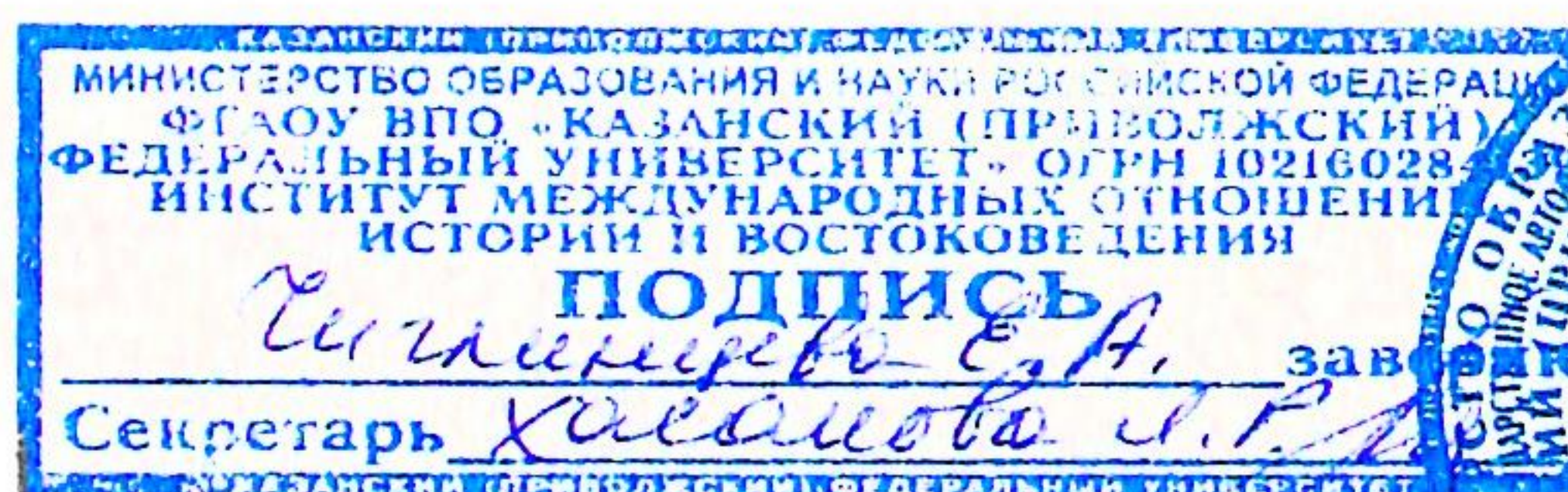
Результаты авторских исследований нашли отражение в 8 научных публикациях, среди которых 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов научных исследований.

Рассмотренная диссертация соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», является законченным научным исследованием, удовлетворяет требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а ее автор Чисталев Марк Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир).

Отзыв составлен д.и.н. доцентом Э.В. Рунгом, к.и.н. доцентом М.В. Григером, к.и.н. доцентом Н.Ю. Бикеевой. Он заслушан, обсужден и утвержден на заседании кафедры всеобщей истории ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (протокол № 8 от 15 января 2015 г.).

Заведующий кафедрой
всеобщей истории КФУ,
д.и.н., доцент

Е.А. Чиглинцев

Официальные данные об организации:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» [ФГАОУ ВПО К(П)ФУ]

Почтовый адрес: 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Телефон: (843) 233-71-09 E-mail: public.mail@ksu.ru

Официальный сайт: www.kpfu.ru